А.Р. Акчурина, аспирантка кафедры истории русской журналистики и литературы факультета журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова; e-mail: vassa3004@list.ru

Н.М. КАРАМЗИН О М.В. ЛОМОНОСОВЕ. РЕФОРМЫ ЯЗЫКА ЛОМОНОСОВА И КАРАМЗИНА

Автор рассматривает статьи и иные материалы, написанные Н.М. Карамзиным о М.В. Ломоносове. На базе полученных сведений автор делает выводы о том, какой образ Ломоносова сложился в произведениях Карамзина, какие черты творческой деятельности этого великого русского деятеля он отметил особо и в чем видел его главные заслуги перед отечеством. Во второй части статьи исследуются языковые реформы Ломоносова и Карамзина, выделяются принципиальные различия между ними. В заключении автор приходит к выводу, что реформы языка обоих деятелей преследовали сходные цели.

Ключевые слова: *статья, критика, писатель, языковая реформа, французский язык.*

The author examines the articles and other materials written by N.M. Karamzin about M.V. Lomonosov. On the basis of derived information the author concludes what was the Lomonosov's image in Karamzin's writings, on what creative features of this outstanding Russian figure he made a special emphasis and what Karamzin considered to be Lomonosov's great services for the homeland. In the second part of the article Lomonosov and Karamzin's language reforms are investigated, the distinctions in kind between them are marked out. At the end the author comes to conclusion that the language reforms of both Russian personalities served the same purposes.

Key words: *article, critique, writer, language reform, French language.*

Имена Карамзина и Ломоносова, следующие в истории друг за другом, — довольно редкое явление. Как классики литературы они, бесспорно, принадлежат к одной весовой категории, но при ближайшем рассмотрении неизбежно возникает вопрос: что роднит ярчайшего представителя классицизма и главу сентиментализма в России? Направления эти во многом полярны друг другу, и закономерно предположение, что пути Ломоносова и Карамзина пролегают слишком далеко друг от друга. Тем не менее Карамзин, с уважением относившийся к литературной традиции, был прекрасно знаком с творчеством предшественника и в критических статьях нередко принимал ломоносовское наследие за отправную точку рассуждений.

О Ломоносове Карамзин написал немного, однако часто обращался к писателю в критике, стихотворениях и, смеем предположить, в мыслях. Самое крупное произведение, посвященное Ломоносову, — раздел в «Пантеоне российских авторов», вышедшем

отдельным изданием в 1802 году в Москве. Крупное — не совсем верное слово, ведь статья едва занимает страницу. В ней мы знакомимся со скудными фактами биографии и подробной авторской оценкой заслуг великого деятеля. Великого — несомненно, с первых слов Карамзин выдерживает статью в патетическом тоне — «рожденный под хладным небом Северной России», «пламенное воображение», «отец российского красноречия и вдохновенного стихотворства»[1].

Автор прежде всего говорит о Ломоносове как о «первом образователе нашего языка», который «открыл в нем изящность, силу и гармонию». Будучи литератором, Карамзин не мог не признавать достижений Ломоносова в этой области и, привнося в язык немало нового, отдавал дань уважения предшественнику. Однако о реформе языка мы подробнее скажем чуть позже.

Приведем еще одну, ключевую фразу о Ломоносове: «Гений его советовался только сам с собою, угадывал, иногда ошибался, но во всех своих творениях оставил неизгладимую печать великих дарований». «Иногда ошибался» — здесь уже автор «оды в прозе» превращается в тонкого дипломатичного критика, что всегда прекрасно удавалось Карамзину — говорить горькую правду с улыбкой. Пожалуй, в оценке Карамзиным Ломоносова лучше всего раскрывается его талант четко и объективно анализировать, избегая грубых фраз, насмешек и колкостей.

Сдержанную, аккуратную критику встречаем и далее: «...Мы судим, различаем и тем живее чувствуем его достоинство» («чувствуем достоинство», однако же и «судим»); «Для эпической поэзии нашего века не имел он, кажется, достаточной силы воображения, того богатства идей, того всеобъемлющего взора, искусства и вкуса, которые нужны для представления картины нравственного мира и возвышенных, иройских страстей. Трагедии писаны им единственно по воле монархини...» — последняя фраза звучит довольно смело для самодержавной России XVIII века, как если бы — «трагедии писаны из-под палки»; «Проза Ломоносова вообще не может служить для нас образцом; длинные периоды его утомительны, расположение слов не всегда сообразно с течением мыслей, не всегда приятно для слуха...». И даже в одах, которые Карамзин признает «драгоценностию российской музы», отмечает он «слабые места, излишности, падения».

Вопрос о воображении Ломоносова, пожалуй, стоит обсудить отдельно. В рассуждениях на эту тему Карамзин противоречит сам себе: в самом начале статьи говорит о «пламенном воображении», а затем о его недостатке. Критерии оценки не совсем понятны:

[1] *Карамзин Н.М.* Избранные статьи и письма. М.: Современник, 1982. С. 71.

по мнению критика, для од воображения у Ломоносова вполне достаточно, а для героических поэм, как оказывается, нет. Карамзин, делая выводы о поэме «Петр Великий», не учитывает многих факторов, повлиявших на ее создание. Над поэмой Ломоносов трудился долгое время, приблизительно с 1756 по 1761 год, вынашивал невероятно глубокий замысел: уже в первых двух песнях автор сумел рассказать о нескольких важных исторических событиях (поход Петра I к Белому морю для обороны Архангельска, стрелецкие бунты, взятие крепости Нотербург) и собирался продолжить «летопись в стихах». Писатель ставил себе более широкую задачу, чем просто создание высокохудожественного произведения. Перед ним стояла цель вывести на сцену человека новой формации, соответствовавшего идеалам Просвещения, таким образом поэма должна была нести не только литературную, но и философскую, общекультурную ценность. Карамзин рассматривал поэму Ломоносова исключительно с позиции литературного критика, однако, как мы видим, произведение нуждалось в углубленном анализе, и его оценка не могла сводиться к одной лишь критике поэтических достоинств.

О недостатках лирики Ломоносова Карамзин вскользь упомянул и в статье «О Богдановиче и его сочинениях», вышедшей в «Вестнике Европы» в 1803 году: «Богданович, утомленный арифметикою и геометриею, отдыхал за творениями Ломоносова, которого лира гремела и пленяла тогда россиян, еще нестрогих в поэзии, но уже чувствительных к великим красотам ее»[2]. «Нестрогих в поэзии» — значит, нетребовательных, готовых с благодарностью принимать все, что предложат, даже если произведения автора далеки от идеала. И здесь же — «великие красоты».

Отдельные критические замечания не противоречат общей оценке творчества Ломоносова: Карамзин признает его «талант великого оратора», предрекает, что «Россия должна Ломоносову монументом» (как выяснится, не одним), и вписывает его имя в «книгу бессмертия» вместе с Пиндаром, Горацием, Руссо. С Пиндаром Карамзин сравнивал поэта и ранее — в четверостишии «К портрету Ломоносова» 1797 года:

«В отечестве Зимы, среди ее снегов, —
Сказал парнасский бог, — к бессмертной славе россов
Родись вновь Пиндар, царь певцов!»
Родился... Ломоносов[3].

В ряду других литературных деятелей России Карамзин отводит Ломоносову почетное место. В том же «Пантеоне российских ав-

[2] *Карамзин Н.М.* Избранные статьи и письма. М.: Современник, 1982. С. 113.

[3] *Карамзин Н.М.* Полное собрание стихотворений. Л.: Советский писатель, 1966. С. 234.

торов» в статье о Феофане Прокоповиче встречаем следующие строки: «В Феофане сияет уже заря российского красноречия; но, будучи предшественником Ломоносова, он не похитил у него славы быть нашим лучезарным Фебом»[4]. Вновь — красноречие и вновь — Ломоносов. И античное сравнение с Фебом — почти как о Пушкине, но с поправкой: «Солнце русской поэзии XVIII века».

Сравнивает Карамзин Ломоносова и с Сумароковым — в небольшой статье о драматурге из «Пантеона» читаем: «Имя Сумарокова было в свое время так же велико, как имя Ломоносова. Один славил Елисавету на лире и на кафедре академической; другой пленял ее чувствительность драматическими картинами на сцене. Оба талантами своими украсили и прославили время ее царствования. Имя того и другого напоминает счастливое рождение нашего нового стихотворства»[5].

Из дальнейших упоминаний в различных работах Карамзина вырастает все тот же выпуклый образ гения, ознаменовавшего собой особую пору развития языка и литературы. В «Пантеоне русских авторов» знакомимся с периодизацией отечественной литературы по Карамзину: «Но истинный век авторский начался в России со времен Петра Великого: ибо искусство писать есть действие просвещения. Феофан и Кантемир составляют сию первую эпоху: за нею следует эпоха Ломоносова и Сумарокова; третьею должно назвать время Екатерины Великой, уже богатое числом авторов; а четвертой... мы еще ожидаем...»[6].

Целая эпоха определена именем писателя, которого, по замечанию Карамзина, ценят даже за границей, в просвещенной Европе. В статье «О любви к отечеству и народной гордости» автор писал, что даже «самый худой французский перевод Ломоносова од»[7] удостоился похвалы во французских и немецких критических журналах. С зарубежными журналами Карамзин всегда был знаком прекрасно: делал переводы, в период выхода «Московского журнала» выписывал крупнейшие европейские издания, из которых в каждый номер шла подборка статей и «анекдотов», и на его мнение в этом вопросе можно полагаться.

Ломоносов как реформатор языка значил для Карамзина если не больше, чем писатель, то и не меньше. Карамзин во многом шел по стопам Ломоносова, и пусть их реформы сильно разнились, оба они стремились усовершенствовать русский язык. Произнося речь в Российской Академии в 1818 году, Карамзин упомя-

[4] *Карамзин Н.М.* Избранные статьи и письма. М.: Современник, 1982. С. 68.
[5] Там же. С. 72.
[6] Там же. С. 75.
[7] Там же. С. 96.

нул о системе, предложенной реформатором: «...Ломоносов, дав нам образцы вдохновенной поэзии и сильного красноречия, дал и грамматику...»[8]. Но времена менялись, и, по мнению Карамзина, нужна была новая, более основательная система, которую создавала Российская Академия. В речи Карамзин подвел краткий итог развития литературы XVIII столетия: мы «имели стихотворцев, писателей, но только одного истинно классического (Ломоносова)...». В одном из писем И.И. Дмитриеву Карамзин говорил о планах создать похвальное слово Ломоносову («хотелось бы написать...»[9]), но не успел, все силы труженика уходили на «Историю государства Российского».

Карамзин в свою очередь немало сделал для русского слога. В его преобразованиях можно проследить два направления: сближение литературного языка с разговорным (с некоторыми ограничениями, на которых мы остановимся отдельно) и ориентацию на европейские, в частности французские, языковые нормы. Известный филолог Б.А. Успенский в работе «Из истории русского литературного языка XVIII — начала XIX века» утверждает: «Требование писать, как говорят, — принципиально новое для России, оно знаменует решительный и демонстративный отказ от предшествующей (церковнославянской) культурной традиции и именно противопоставляется этой традиции...» [Успенский, 1985, с. 7]. И, как замечает Успенский, языковую программу принято связывать с именем Карамзина, приписывая ему роль «реформатора русского литературного языка». Исследователь даже проводит параллель между Карамзиным и Петром Великим: «Роль Карамзина по отношению к новому русскому литературному языку оказывается — в некотором смысле — аналогичной роли Петра по отношению к новой русской культуре...» [там же]. Теория «трех штилей» Ломоносова, напрямую связанная с церковнославянской традицией, в современную ему эпоху также внесла серьезные изменения в существовавший язык, и между двумя реформами наблюдается сильная взаимосвязь: оба преобразователя русского языка брали за основу литературные образцы из другого языка. Ломоносов равнялся на античные обороты, Карамзин — на французские, как справедливо отмечает К.С. Аксаков в речи «О Карамзине», «Доселе вся наша литература стояла на классических ходулях: отвлеченность, не принадлежащая (как действительность) даже никакому существующему народу. Неестественность их почувствовал Карамзин — <...> Карамзин двинулся на новый путь и увлек все за собою, на какой же путь, народный? — Нет, он переменил ходули на ходули:

[8] Там же. С. 142.
[9] Там же. С. 176.

ходули латинские и греческие, ходули древние — на ходули французские, германские, вообще на современные...»[10]

Европейская литература логически вытекала из современной жизни, и герои ее говорили на том языке, на котором говорили в парижских гостиных. Успенский, характеризуя реформу Карамзина, говорит о сильном западноевропейском влиянии не только на язык, но и на культуру в целом («...Принимается европейская система ценностей и европейская точка отсчета»), которое выражается в «стремлении организовать русский литературный язык по подобию литературных языков Западной Европы, т.е. поставить литературный язык в такое же отношение к разговорной речи, какое имеет место в западноевропейских странах» [Успенский, 1985, с. 13].

В каком же отношении находился литературный язык к разговорной речи в Западной Европе? Ответ на этот вопрос позволит вывести еще одну важнейшую черту реформы Карамзина. В программной статье «Отчего в России мало авторских талантов?» он писал: «...французский язык весь в книгах (со всеми красками и тенями, как в живописных картинах), а русский только отчасти; французы пишут как говорят, а русские обо многих предметах должны еще говорить так, как напишет человек с талантом»[11]. Вырванная из контекста фраза «пишут как говорят» приводит к тому, что нередко реформа Карамзина толкуется искаженно, и говорящая как барышня крестьянка Лиза кажется неточно прописанным персонажем. Карамзин в представлениях о разговорной речи равнялся на то, как говорят между собой «сливки общества», на изящный полуфранцузский щебет, не смолкающий в салонах[12].

Тем не менее речь салонов Карамзин предлагал значительно менять и совершенствовать, а из французского и других европейских языков заимствовать отдельные слова и синтаксические конструкции. Карамзин, даже в заимствовании, оставался новатором, выступал за создание новых форм: «Что ж остается делать автору? Выдумывать, сочинять выражения; угадывать лучший выбор слов; давать старым некоторый новый смысл, предлагать их в новой связи, но столь искусно, чтобы обмануть читателей и скрыть от них необыкновенность выражения!». Отмечают подобное стрем-

[10] *Аксаков К.С.* О Карамзине. Речь, написанная для произнесения пред симбирским дворянством (1848) // Карамзин: pro et contra. СПб.: РХГА, 2006. С. 646.

[11] *Карамзин Н.М.* Избранные статьи и письма. М.: Современник, 1982. С. 102.

[12] Б.А. Успенский пишет: «Язык карамзинистов явно ориентируется на разговорную речь светского общества или, иными словами, на социальный диалект дворянской элиты. В статье “Отчего в России мало авторских талантов?” Карамзин ссылается прежде всего на речь “лучших домов”, т.е. beau monde’a, рассматривая совершенствование этой речи как необходимое условие создания литературного языка...» (Цит. по: [Успенский, 1985, с. 41]).

ление и исследователи деятельности Карамзина: «Ориентируясь на французский синтаксис в отношении порядка слов, Карамзин может в то же время отрицательно относиться к буквальным переводам с французского, т.е. к синтаксическим и фразеологическим калькам, — постольку, поскольку такого рода кальки могут противоречить естественным навыкам русской речи, воспринимаются как неестественные...» [Успенский, 1985, с. 29].

Таким образом, Карамзин ни в коем случае не стремился превратить русский язык в жалкое подобие французского, как полагал, к примеру, глава литературного общества «Беседа любителей русского слова» А.С. Шишков. В «Рассуждении о старом и новом слоге российского языка» он подверг критике статью «Отчего в России мало авторских талантов?» и особенно его возмутило то, что Карамзин призывал опираться на иностранный язык: «...Чем больше будем мы думать о французском языке, тем меньше будем знать свой собственный»; «Но когда мы от самой колыбели своей вместе с молоком сосем в себя любовь к французскому и презрение к своему языку, то каких можем ожидать талантов, какого процветания словесности, каких редких произведений ума?»[13].

О Ломоносове Шишков в той же работе отзывался очень лестно, что символично. Архаиста Шишкова отнюдь не смущали церковнославянизмы и заимствования из древнегреческих оборотов в основе творчества Ломоносова, просто потому что «так было раньше», тогда как славянофил Аксаков сразу упомянул про античные «ходули». Шишков в оценке поэзии Ломоносова делал неверные выводы о том, что его талант якобы сформировался сам по себе: «...лирика, равного Ломоносову, конечно, нет во Франции: Мальгерб и Руссо их далеко уступают ему; откуда же брал он образцы и примеры? Природа одарила его разумом, науки распространили его понятия, но кто снабдил его силою слова?»[14]. Конечно, мысль о том, что поэтический дар Ломоносова зародился в самом сердце Архангельской губернии и явил миру образцы русского языка без каких-либо примесей, крайне привлекательна[15], однако реформа Ломоносова все же во многом опиралась на предшествующую языковую традицию. Церковнославянский язык, ставший основой

[13] *Шишков А.С.* Рассуждение о старом и новом слоге российского языка. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. С. 161; 169.

[14] Там же. С. 147.

[15] Нельзя не упомянуть, что и Н.М. Карамзин пытался дать похожее объяснение феномену М.В. Ломоносова: «Теперь талант образуется у нас случайно. Натура и характер противятся иногда силе обстоятельств и ставят человека на путь, которого бы не надлежало ему избирать по расчетам обыкновенной пользы или от которого судьба удаляла его. Так, Ломоносов родился крестьянином и сделался славным поэтом» (Цит. по: Отчего в России мало авторских талантов? // Карамзин Н.М. Избранные статьи и письма. М.: Современник, 1982. С. 103).

для реформы Ломоносова, и теория «трех штилей», известная еще с античных времен, — вот с каким материалом работал литератор. О преимуществах древнегреческого слога писатель говорил, например, в «Предисловии о пользе книг церьковных в российском языке»: «Отменная красота, изобилие, важность и сила эллинского слова коль высоко почитается, о том довольно свидетельствуют словесных наук любители»[16].

Ломоносов и Карамзин, оглядываясь на опыт других стран и предшествующих поколений, хотели прежде всего улучшить родной язык и сохранить его самобытность. И здесь, кажется, у реформаторов не возникало никаких расхождений. В «Письме о правилах российского стихотворства» Ломоносов отмечал: «Первое и главнейшее мне кажется быть сие: российские стихи надлежит сочинять по природному нашего языка свойству, а того, что ему весьма несвойственно, из других языков не вносить»[17]. В статье «О любви к отечеству и народной гордости» Карамзин сравнивал русский язык с французским, сравнение оказывалось явно в пользу первого: «Оставим нашим любезным светским дамам утверждать, что русский язык груб и неприятен; что charmant и seduisant, expansion и vapeurs {Прелестный, обольстительный, излияние, воспарения (*франц.*). — *Ред.*} не могут быть на нем выражены; и что, одним словом, не стоит труда знать его. <...> Язык наш выразителен не только для высокого красноречия, для громкой, живописной поэзии, но и для нежной простоты, для звуков сердца и чувствительности. Он богатее гармониею, нежели французский; способнее для излияния души в тонах...»[18]

Ранее, в «Письмах русского путешественника», Карамзин, говоря о нравах английского высшего света, отмечал, что в лучших лондонских домах с неохотой говорили на французском языке, хотя прекрасно его знали: «У нас всякий, кто умеет только сказать: “Comment vous portez-vous?”, без всякой нужды коверкает французский язык, чтобы с русским не говорить по-русски, а в нашем так называемом хорошем обществе без французского языка будет глух и нем. Не стыдно ли? Как не иметь народного самолюбия? Зачем быть попугаями и обезьянами вместе?»[19].

Мысли о связи языка и «народного самолюбия» посещали Карамзина на протяжении долгого времени. В уже упоминавшейся статье «О любви к отечеству и народной гордости» (заголовок также говорит о многом) он рассуждал следующим образом: «Есть

[16] *Ломоносов М.В.* Избранные произведения. Л.: Советский писатель, 1986. С. 473.
[17] Там же. С. 465.
[18] *Карамзин Н.М.* Избранные статьи и письма. М.: Современник, 1982. С. 97.
[19] *Карамзин Н.М.* Письма русского путешественника. М.: Правда, 1980. С. 462.

всему предел и мера: как человек, так и народ начинает всегда подражанием; но должен со временем быть *сам собою,* чтобы сказать: “Я существую морально!”. Теперь мы уже имеем столько знаний и вкуса в жизни, что могли бы жить, не спрашивая: как живут в Париже и в Лондоне? <...> Хорошо и должно учиться; но горе и человеку и народу, который будет всегдашним учеником!». Приведенные слова как нельзя лучше доказывают, что Карамзин никогда не стремился просто-напросто наводнить родной язык кальками из французского.

Вопрос о реформе языка — прежде всего вопрос идейный. Как для Карамзина, так и для Ломоносова язык был не только средством для изображения художественной действительности, но и неотъемлемой частью народной жизни, одной из основ государственности. В конце «Предисловия о пользе книг церковных в российском языке» Ломоносов изложил свои взгляды на то, как сильно развитие национального языка влияет на создание славы страны: «...С падением оного [родного языка] без искусных в нем писателей немало затмится слава всего народа»; «Где древней язык ишпанской, галской, британской и другие с делами оных народов? Не упоминаю о тех, которые в прочих частях света у безграмотных жителей во многие веки чрез переселения и войны разрушились. Бывали и там герои, бывали отменные дела в обществах, бывали чудные в натуре явления; но все в глубоком неведении погрузились. <...> Счастливы греки и римляне перед всеми древними европейскими народами. Ибо хотя их владения разрушились и языки из общенародного употребления вышли, однако из самых развалин сквозь дым, сквозь звуки в отдаленных веках слышен громкой голос писателей, проповедающих дела своих героев, которых люблением и покровительством ободрены были превозносить их купно с отечеством»[20]. Сохранение истории страны, ее традиций — ради этой цели, по мнению Ломоносова, и стоит менять язык, чтобы суметь донести сведения до следующих поколений.

Карамзин и Ломоносов, каждый в свое время, делали русский язык более современным, иначе говоря, устанавливали канал связи с будущими поколениями. В XXI веке этой цели служат постоянно обновляющиеся электронные устройства, в веке XVIII единственным способом общения оставался только язык. И каждый реформатор словно передавал эстафету последователям, добивавшимся одной цели. При передаче «эстафетной палочки» функции одного реформатора завершались, и в права владения вступал другой. Метко сказал критик В. Г. Белинский, что Карамзин «не сде-

[20] *Ломоносов М.В.* Избранные произведения. Л.: Советский писатель, 1986. С. 473.

лал всего, как не сделал всего Ломоносов», однако оба смогли вовремя разглядеть потребности века, и, «следовательно, обоим им равно принадлежит вечная честь великого подвига...»[21]. Не сделав всего, Ломоносов и Карамзин сделали многое — заложили фундамент современного русского языка, живого и многогранного.

Список литературы

Успенский Б.А. Из истории русского литературного языка XVIII — начала XIX века. Языковая программа Карамзина и ее исторические корни. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1985.

Поступила в редакцию
18.11.2012

[21] *Белинский В.Г.* Николай Алексеевич Полевой // Карамзин: pro et contra. СПб.: РХГА, 2006. С. 359.